“German Soviet” in the North Caucasus: Russian Germans in the Discourse of Soviet Power in the 1920s

T.N. Plokhotnyuk

This article is devoted to the analysis of the texts of specially selected official documents, written by the Germans, in order to study the socio-economic situation of the German population of the North Caucasus in the conditions of the formation of a new political regime. The author of the article analyzed the participation of representatives of German communities in the institutions of power, determined the extent to which the representatives of the Germans in power were organic to the system; what were their mutual relations with colleagues, the same managers; how they were treated by higher-ranking officials. And also this problem actualises also the subject of the personality, the personal position of the actor of the interpreted historical period.

Keywords: the North Caucasus, the German population, Soviet power, the institutions of Soviet power, national minorities, land issue, taxes.

Das „sowjetdeutsche Element“ unter nordkaukasischen Bedingungen: Russlanddeutsche im Diskurs der Sowjetmacht in den 1920er Jahren

T.N. Plochotnjuk

In dem Beitrag wird der Versuch unternommen, gezielt ausgewählte und von Deutschen verfasste offizielle Dokumente zu analysieren, um die sozialökonomische Lage der deutschen Bevölkerung im Nordkaukasus während der Konsolidierung des neuen politischen Regimes zu untersuchen. Das Thema dieses Beitrags erlaubt es, die Mitarbeit von Vertretern deutscher Gemeinden in staatlichen Institutionen zu analysieren und festzustellen, in welchem Maße die Vertreter der Deutschen innerhalb des Staatsapparates im Einklang mit dem System standen, wie ihr Verhältnis zu den Kollegen aussah, die ebenfalls in leitenden Funktionen tätig waren und wie sich höhere Vorgesetzte ihnen gegenüber verhielten. Des Weiteren wird durch die Problemstellung auch das Thema der Persönlichkeit und der persönlichen Haltung einer handelnden Person im untersuchten Zeitabschnitt neu dargestellt.

Schlüsselwörter: Nordkaukasus, deutsche Bevölkerung, Sowjetmacht, Institutionen der Sowjetmacht, nationale Minderheiten, Landfrage, Steuern.

УДК [39+2](470.44)|19|

Ж.В. Яковлева

Этноконфессиональная ситуация и религиозная жизнь в Саратовском Поволжье к концу 1920-х годов

В статье исследуются этноконфессиональная структура, религиозная ситуация и жизнь населения Саратовского Поволжья накануне начала агрессивной антирелигиозной кампании Советского государства (1929). Под Саратовским Поволжьем понимается территория современной Саратовской области. На этой территории в указанное время располагались Саратовская губерния, Республика немцев Поволжья и Пугачевский уезд Самарской губернии. Автор характеризует основные этносы, проживавшие на территории Саратовского Поволжья, определяет конфессиональный состав населения, численность и влияние каждой конфессии в регионе. Отмечается уникальность региона, заключавшаяся в наличии в нем практически всех конфессий, деноминаций и сект христианства (включая и его западные разновидности), а также ислама и иудаизма. Продолжительное совместное проживание граждан различных национальностей и вероисповеданий сформировало высокую межэтническую и межконфессиональную толерантность. Автор описывает враждебную антирелигиозную политику Советского государства, заставлявшую представителей всех вероисповеданий приспосабливаться к новым условиям жизни.

Ключевые слова: этнический состав населения, конфессиональная структура, Русская православная церковь, тихоновцы, обновленцы, старообрядцы, католическая церковь, католики, протестантизм, лютеранская церковь, лютеране, баптисты, танцбрудеры, бетбрудеры, ислам, мусульмане, иудаизм.

Исторически сложилось так, что территория Саратовского Поволжья в первые десятилетия XX в. представляла собой уникальный конгломерат многих народов, религий и культур, взаимовлияние которых существенно сказывалось на формировании хозяйственного и культурного облика региона. О численности и этническом составе населения можно судить по переписи 1926 г. Ее данные, обработанные автором применительно к региону исследования, приведены в таблице 1.

Как видно из таблицы, общая численность населения региона в 1926 г. превышала 3,6 млн чел.[1], свыше трех четвертей проживало в Саратовской губернии, остальные – в АССР немцев Поволжья[2] и Пугачевском уезде Самарской губернии[3].

[1] Эта численность населения позволяет говорить об исследуемом регионе как о достаточно густонаселенном во второй половине 1920-х годов. Для сравнения: численность населения Саратовской области по переписи 2010 г. составляла 2,5 млн чел. См.: Информация Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://srtv.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/srtv/ru/statistics/population/9a9093004361f9a59b51db74665da2b8 (дата обращения 16 января 2017 г.)

[2] Существовала до 6 сентября 1941 г. Во время депортации немецкого населения из Поволжья была ликвидирована. Основная часть ее территории вошла в состав Саратовской области.

[3] С мая 1928 г. Пугачевский уезд, позднее переименованный в округ, административно вошел в состав Нижневолжского края с административным центром в Саратове. С 1934 г. территория бывшего Пугачевского уезда вошла в состав Саратовского края, а с 1937 г. и поныне находится в составе Саратовской области.

© Ж.В. ЯКОВЛЕВА. ЕЖЕГОДНИК МАИИКРН. 2017 Г. № 3. С. 131–151.

Таблица 1. Этнический состав Саратовского Поволжья (по переписи 1926 г.)[4]

Основные этносы	Общая численность				Удельный вес в общем количестве населения (в %)
	Саратовская губерния	АССР немцев Поволжья	Пугачевский уезд Самарской губернии	Всего	
Русские	2 345 150	116 561	277 846	2 739 557	75,56
Немцы	41 214	379 630	542	421 386	11,62
Украинцы	202 279	68 561	23 559	294 399	8,12
Татары	115 313	2109	1095	118 517	3,27
Чуваши	17 153	86	59	17 298	0,48
Евреи	7485	374	16	7875	0,22
Казахи	4876	1353	123	6352	0,18
Мордва	75	1429	4628	6132	0,17
Белорусы	2137	508	1172	3817	0,11
Башкиры	15	13	3592	3620	0,10
Поляки	2130	12	45	2187	0,06
Эстонцы	253	753	19	1025	0,03
Латыши	640	338	–	978	0,03
Армяне	490	26	11	527	0,01
Другие этносы	822	129	824	1775	0,04
Всего	**2 740 032**	**571 882**	**313 531**	**3 625 445**	**100**

Этнический состав Саратовского Поволжья, как показывают данные таблицы 1, был достаточно однородным – свыше трех четвертей составляли русские, что касается оставшейся четверти, то, наоборот, в ней оказались десятки этносов. Второе место по численности населения в регионе уверенно занимали немцы (11,62 %). В Республике немцев Поволжья они составляли свыше 66 % населения. Заметно их присутствие было в Саратовской губернии и Пугачевском уезде[5]. Третьим по своей численности в регионе являлся украинский этнос (8,12 %)[6]. Две трети его проживало в Саратовской губернии. Следом за украинцами, уступая им почти в 2,5 раза и занимая четвертое место, шли татары (3,27 %). Почти все они проживали на правобережье, в Саратовской губернии.

Следующим по численности этносом в Саратовском Поволжье были чуваши (чуть менее 0,5 % от всей численности населения региона); за ними, составляя примерно по 0,2 % численности жителей региона, шли евреи, казахи, мордва. Башкиры составляли 0,1 % и проживали в Пугачевском уезде. Численность всех остальных этносов, населявших регион, не превышала 0,05 % и исчислялась сотнями и десятками человек. Среди них можно отметить переселившихся в Саратовское Поволжье в XIX – начале XX в. поляков и белорусов (проживали в основном в городах), а также эстонцев и латышей (их села располагались на территории Республики немцев Поволжья).

[4] Таблица составлена и рассчитана автором на основании следующих источников: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–1929. Т. 9. С. 34–51. Т. 10. С. 9–13. Т. 11. С. 8–17. Т. 14. С. 6–16. Т. 15. С. 8–13. Т. 16. С. 8–12. Т. 17. С. 8–25; Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (ГИАНП). Ф. 1188. Оп. 1. Д. 150. Л. 12, 42–56. Население Самарской губернии по данным Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г. Самара: Издание Самарского губстатотдела, 1928. С. 10.

[5] Немцы Поволжья являлись потомками переселенных в 1760-х годах по Манифесту императрицы Екатерины II иностранных колонистов, главным образом выходцев из германских государств. Подробнее об этом см.: *Герман А.А., Плеве И.Р.* Немцы Поволжья. Саратов, 2002; *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России. М., 2005; *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008 и др.

[6] Украинцы стали переселяться в Саратовское Поволжье с начала XVIII в. Ими был основан соляной промысел. Соль добывалась на озере Эльтон и перевозилась на волах в Покровскую слободу, откуда развозилась по Волге в другие регионы.

Еще более сложным в начале XX в. был конфессиональный состав населения Саратовского Поволжья. Судить о нем мы можем на основании материалов первой Всероссийской переписи населения в 1897 г. (см. табл. 2). К сожалению, в переписи 1926 г. вероисповедание граждан Саратовского Поволжья не указывалось.

Из таблицы 2 следует, что в конце XIX в. в Саратовском Поволжье свыше трех четвертей населения являлись последователями Русской православной церкви. В материалах переписи в одну группу с ними включены единоверцы[7]. Старообрядцев в регионе насчитывалось 6 % всего населения.

Второй по численности группой верующих были протестанты разных исповеданий, их удельный вес составлял свыше 10 %. Среди протестантских деноминаций подавляющим по численности было лютеранство – почти 9 %.

Третьим по числу приверженцев был ислам. В Саратовском Поволжье мусульмане составляли около 5 %. Следом за ними шли католики – свыше 3 %.

Таблица 2. Конфессиональный состав населения Саратовского Поволжья (по переписи 1897 г.)[8]

Вероисповедание	Общая численность		
	Саратовская губерния (без Царицынского и Камышинского уездов)[9]	Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии[10]	Всего
Православные РПЦ и единоверцы	1 496 567	600 645	2 097 212
Старообрядцы и «уклоняющиеся от православия»[11]	111 036	57 038	168 074
Армяно-григориане	168	4	172
Католики	33 989	54 980	88 969
Протестанты разных исповеданий (всего), в т.ч.:	132 116	163 246	295 362
лютеране	95 760	150 660	246 420
реформаты	37 088	10 832	47 920
меннониты	169	1094	1263
баптисты	307	520	827
другие протестанты	20	140	160

[7] Единоверие – направление в старообрядчестве, сторонники которого сохраняют «древние» богослужебные чины (двоеперстие, служба по старопечатным книгам и др.), но признают иерархическую юрисдикцию Московского патриархата.

[8] Таблица составлена и рассчитана автором на основании следующих источников: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 76–77; Там же. Т. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904. С. 56–57.

[9] Во второй половине 1920-х годов Царицынский и Камышинский уезды входили во вновь образованную Царицынскую, позднее – Сталинградскую губернию. Немецкие села Камышинского уезда в 1918 г. вошли в состав области немцев Поволжья (с 1924 г. – АССР немцев Поволжья), поэтому приверженцы западнохристианских конфессий Камышинского уезда, оказавшиеся на территории АССР немцев Поволжья, включены в данную таблицу.

[10] Новоузенский уезд оказался разделенным между Саратовской губернией и областью немцев Поволжья еще в годы Гражданской войны, Николаевский (позднее – Пугачевский) уезд вошел в 1928 г. в состав Нижневолжского края с административным центром в Саратове.

[11] Официальный термин материалов Всероссийской переписи 1897 г.

Вероисповедание	Общая численность		
	Саратовская губерния (без Царицынского и Камышинского уездов)[9]	Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии[10]	Всего
Мусульмане	94 123	35 869	129 992
Иудеи	2860	328	3188
Буддисты и ламаисты	28	–	28
Другие вероисповедания	21	2	23
Всего верующих	**1 870 908**	**912 112**	**2 783 020**
Численность всего населения	**1 870 908**	**912 112**	**2 783 020**

Относительно крупной религиозной общностью были реформаты (около 2 %). Чуть больше 0,1 % населения региона составляли приверженцы иудаизма. Среди малочисленных религиозных общностей в регионе выделялись меннониты и баптисты.

Приводимые выше данные спустя 30 с лишним лет, к концу 1920-х годов, конечно же, не могли отражать точную, полную и объективную картину конфессиональной ситуации в регионе, особенно если иметь в виду численность религиозных сообществ. Однако они всё же достаточно точно отражали основные пропорции в соотношении религиозных конфессий, деноминаций и групп в Саратовском Поволжье. Данное утверждение можно подкрепить следующим исследованием. Зная численность каждого этноса в Поволжье в 1926 г. и его преимущественное вероисповедание, можно так же построить картину, приблизительно показывающую удельный вес каждой из религиозных общностей в Саратовском Поволжье.

Необходимо оговориться, что принадлежность к вероисповеданию по этническому признаку довольно условна, т.к. возможны переход из одной конфессии в другую, переход из основных религиозных конфессий в секты, к тому же к концу 1920-х годов на фоне активной антирелигиозной агитации и пропаганды начал пускать свои корни атеизм. Новое молодое поколение «советского человека», особенно мужская его часть, часто уже была «индифферентна к вере», как писал Саратовский губком ВКП(б) в 1928 г.[12] Однако это утверждение тоже можно подвергнуть сомнению, т.к. в том же году уже Нижневолжским крайкомом ВКП(б) приводится статистика анонимного анкетирования, проведенного членами Союза безбожников в школах г. Саратова. Результаты его для «безбожных» большевиков получились далеко не утешительными: из 23 тыс. опрошенных школьников «не менее половины» ответили, что они верующие либо «колеблющиеся» между верой и неверием. А в немецких школах количество верующих детей доходило до 75–80 %[13]. Естественно, такое положение вещей вменялось в вину общественным организациям, профсоюзам, комсомольским и партийным ячейкам и особенно школам, которые не должным образом занимались антирелигиозным воспитанием подрастающего поколения. «Умирает заведующий школой <…> учитель крестится и вслух желает покойнику „царствия небесного“», – писал Нижневолжский крайком ВКП(б) в том же году[14]. Той же цифрой – 78 % верующих детей в немецких школах – делилась газета «Поволжская правда» в 1929 г. А в г. Саратове не пришла на занятия в школу целая группа учащихся вместе с учителем. На вопрос о причине неявки в школу дети ответили: «Мы ходили смотреть, как причащается учитель Иван Петрович»[15].

[12] Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 4. Д. 750. Л. 21 об.

[13] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111. Л. 40 об.

[14] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111. Л. 40.

[15] Школа должна быть проводником антирелигиозного воспитания // Поволжская правда. 1929. 24 мая. № 114. С. 3.

Как видно из таблицы 3, даже полученная достаточно условным путем картина конфессионального соотношения в Саратовском Поволжье в 1926 г. (4-й столбец) весьма близка к конфессиональному соотношению в регионе в 1897 г., рассчитанному на основе конкретных данных о вероисповедании населения, полученных на основе переписи (3-й столбец). Полученный результат подтверждает тот факт, что, несмотря на многие изменения в конфессиональной картине региона, произошедшие к концу 1920-х годов, соотношение (удельный вес) каждой из основных конфессий в регионе оставалось схожим.

В таблице достаточно четко просматриваются имевшая место за прошедшие 30 лет тенденция некоторого увеличения удельного веса приверженцев различных форм православного вероисповедания и иудаизма и, наоборот, сокращение удельного веса всех остальных конфессий.

Таблица 3. Соотношение основных конфессиональных групп в Саратовском Поволжье в 1897 и 1926 гг.

Основные этносы	Преобладающее вероисповедание	Удельный вес в общем количестве населения (в %) в 1897 г.[16]	Удельный вес в общем количестве населения (в %) в 1926 г.[17]
Русские, украинцы, белорусы, мордва, армяне, чуваши и др.	Православие	81,38	84,45
Немцы-католики[18], поляки, литовцы	Католицизм	3,2	2,96
Немцы-протестанты, эстонцы, латыши	Протестантизм	10,65	8,78
Татары, казахи, башкиры	Ислам	4,67	3,55
Евреи	Иудаизм	0,11	0,22
Всего		**100**	**100**[19]

У многих из отмеченных выше религий в Саратовском Поволжье имелись еще свои более мелкие ответвления. Саратов был епархиальным центром двух конфессий – православной и католической. Рассматривая этноконфессиональную жизнь Саратовского Поволжья конца 1920-х годов в событиях и фактах, нужно учитывать, что советская власть существовала уже более 10 лет. Но, несмотря на притеснения, церковь как идеологическая надстройка отмирать не собиралась, а вера еще жила в душах людей. Об этом свидетельствовали конкретные факты. Например, с 1926 по 1929 г. было построено три новые православные церкви и две мечети (в Аткарском, Сердобском, Вольском уездах)[20], что является свидетельством религиозности среди населения и периодического смягчения политики в отношении церкви и веры (религиозный нэп).

«Церковный вопрос» находился под пристальным вниманием властей, но территориальное переустройство – фактор, сопутствующий всякого рода беспорядкам и неразберихе в отчетной документации[21]. По имеющимся архивным данным, на 1929 г.

[16] Рассчитаны на основе данных таблицы 2.

[17] Рассчитаны на основе данных таблицы 1.

[18] Данные о соотношении немцев-католиков и протестантов получены на основе подсчета численности населения в католических и протестантских селах Республики немцев Поволжья по переписи 1926 г.

[19] Остальные вероисповедания в таблице не учтены ввиду их малочисленности (меньше возможной статистической погрешности).

[20] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93 об.

[21] Саратовская губерния, АССР немцев Поволжья и Пугачевский уезд Самарской губернии в 1928 г. вошли в Нижневолжский край с центром в Саратове, затем на этой территории в 1934 г. образовался Саратовский край, просуществовавший до 1936 г. (в него административно входила АССР НП), который, в свою очередь, в 1937 г. был преобразован в Саратовскую область и независимую от него АССР немцев Поволжья.

в Саратовском Поволжье наблюдалось религиозное многообразие, однако у Нижневолжского крайкома ВКП(б) на 1929 г. не было точной конфессиональной картины, т.к. «систематического, планового изучения этих вопросов не велось», что затрудняло подсчет религиозных организаций, «поэтому цифры примерные»[22].

Тем не менее имевшаяся религиозная картина, которую отражали местные партийные отчеты, отличалась пестротой красок и настораживала власти. В православии активно себя проявляли и вели насыщенную религиозную жизнь православная церковь старо-тихоновская – реакционная по отношению к советской власти – и сергиевская (григорьевского[23] и обновленческого[24] толков), старообрядческие коллективы (поморцы, брачники и безбрачники, поповцы и беспоповцы[25], федоровцы, илиодоровцы[26], единоверцы и др.), а также возникшие на основе православия общины молокан, хлыстов, скопцов, толстовцев, постников.

В Саратовском Поволжье, как уже отмечалось, существовали крупные религиозные общины западного христианства: католиков и лютеран, а также более мелкие общины и группы таких протестантских деноминаций и сект, как меннониты, баптисты, евангелисты, адвентисты, штундисты и др.[27]

Местное коренное население (татары, башкиры, казахи) исповедовало ислам суннитского толка. Существовали не только иудейские общины, но и группы религиозных сионистов[28].

В Саратовском Поволжье, как и во всей Российской империи, православная церковь была главенствующей. В Саратовской губернии на 1928 г. в среднем один православный храм приходился на 1970 жителей (на район в 188 км^2), в то время как одна изба-читальня – на 5630 жителей (на район в 381,8 км^2)[29]. В губернии было до 1,5 тыс. православных храмов, которые проводили в среднем до 20 тыс. официальных религиозных мероприятий в месяц, а обновленцев было всего 6 % (в Сталинградской губернии, к примеру, была противоположная ситуация: обновленцы составляли большинство)[30].

Степень охвата населения православием в одном только Саратове была немалой, об этом говорят цифры дохода церквей. Например, Саратовская церковь князя Владимира в 1927 г. за январь имела доход 741 руб., в апреле – 1649 руб., в августе – 618 руб. Таре-

[22] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.

[23] Григорьевцы – раскольническое церковное течение, которое было сугубо ортодоксальным и в силу этого пользовалось доверием рядовых верующих, а также находилось в сфере влияния ГПУ. В пару к обновленцам для противовеса тихоновской церкви власти нашли григорьевцев, которые назывались по имени архиепископа Екатеринбургского Григория. (Подробнее об этом см.: *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М. 1995. С. 79.)

[24] Обновленчество – возникшее официально после Февральской революции 1917 г. раскольническое движение в русском православии. Первое время поощрялось советской властью. Смерть в 1946 г. Александра Введенского, одного из лидеров движения, считается концом обновленчества.

[25] Старообрядцы делятся на два основных течения – поповцы и беспоповцы. Поморцы – течение в старообрядчестве, возникшее в среде старообрядцев-беспоповцев. Поморцы, в свою очередь, делятся на брачников и безбрачников.

[26] Илиодор (Труфанов С.М.) – род. в 1880 г., иеромонах. Резко выступал против революционного движения в 1905 г. Создал свой «Союз православного народа». В 1912 г. сложил с себя сан. С 1914 по 1917 г. – в эмиграции. В 1918–1922 гг. жил в Царицыне и под контролем ЧК принимал активное участие в так называемом обновленческом движении в РПЦ. В 1923 г. вновь покинул родину, теперь уже навсегда. Жил в США, пытаясь поочередно примкнуть то к монархическим эмигрантским кружкам, то к политизированному антисемитскому движению, то к баптистским структурам. Везде оказывался не ко двору из-за своего склочного характера. Умер в 1952 г. (по другим данным, в 1957 или 1958 г.) в должности швейцара третьеразрядного нью-йоркского отеля. См.: *Крапивин М.Ю.* Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград, 1997. С. 83.

[27] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.

[28] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 12 об.; Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.

[29] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.

[30] Там же.

лочный (по 3–5 коп.) сбор давал этой церкви до 210 руб. в месяц. Пропускная способность церкви составляла 4–4,5 тыс. чел. в месяц. Причем в некоторых других церквях Саратова – Митрофаньевской, Петра и Павла и других – материальные доходы и пропускная способность были еще выше[31].

Кроме того, православные коллективы верующих собирались на Поместном соборе в Москве поставить ряд вопросов: восстановление патриаршего престола, обязательное обучение в советских школах Закону Божьему, предоставление служителям культов гражданских прав, ходатайство перед советским правительством о «прекращении всяких глумлений» над религией и ее служителями, предоставление духовенству «законных прав» на заключение брака, крещение, развод[32]. Т.е. православные желали защитить свою церковь, веру, своих пастырей, которые продолжали пользоваться большим авторитетом у населения[33]. Были случаи выхода из рядов ВЛКСМ по религиозным соображениям, как, например, в Пугачевском округе[34]. Особой религиозностью среди православного населения отличались пожилые люди и женщины[35].

Православная церковь не только не уступала идеологических позиций, но и поднимала голову, продолжая пользоваться авторитетом, держаться на плаву материально, отделенная от государства и лишенная финансовой поддержки, существуя за счет пожертвований верующих.

Монастыри как «очаги организованной контрреволюции» были под особым пристальным взглядом властей. Антирелигиозной комиссией в 1928 г. в решении по монастырям подчеркивалось, «что при разработке ликвидационных планов важно предусмотреть, чтобы высвобождающиеся земли и бывшие монастырские здания не пустовали, чтобы монастырский инвентарь незамедлительно передавался новым владельцам. Предписывалось соответствующим органам проследить за тем, чтобы монашествующие из ликвидированных монастырей не подались в „божьи странники“, а были выдворены на постоянное местожительство»[36].

Для монастырей единственной возможностью сохранить свои религиозные коллективы в условиях жесткой антирелигиозной политики была регистрация коллектива под видом трудовой артели, позволявшая обходить законодательство, ограничивающее их деятельность.

В Саратовском Поволжье на 1928 г. функционировало шесть монастырей: в Саратове, Вольске, Хвалынске, Аткарске, Новоузенске, Балашове[37].

Хвалынский монастырь существовал «под видом трудовой артели». Занимались в монастыре не только кустарным промыслом – пошивом одежды, но и демонстрацией мощей святых и сбором пожертвований. Монастырем руководила назначенная епископом игуменья. В Вольске монастырь числился тоже как трудовая артель, но, по свидетельству Нижневолжского крайкома, это была чисто монашеская община с назначенной епископом игуменьей. Общим для всех этих монастырей было распространение слухов о скором возвращении на престол Николая II. Монастыри в г. Саратове собирали средства для помощи духовенству, которое было «административно выслано, либо находилось в заключении»[38].

[31] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.

[32] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93 об.; Д. 111. Л. 37.

[33] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 750. Л. 21 об.; Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.

[34] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111. Л. 39.

[35] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 750. Л. 21 об.

[36] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 14–16; Крапивин М.Ю. Указ. соч. С. 196.

[37] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.

[38] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.

Все это свидетельствовало о продолжении противостояния двух мировоззрений – религиозного и коммунистического, не уступавших друг другу своих позиций, с одной лишь, но существенной разницей: у нового государственного аппарата было больше рычагов воздействия, нежели у притесняемой церкви.

Обновленчество как внутрицерковный раскол, инспирированный властью для подрыва церкви изнутри[39], который позволял получить контроль над кадровой политикой церкви, сразу без энтузиазма было принято простыми верующими. В июле 1923 г. патриарх Тихон принял решение «раскаяться в своих проступках против государственного строя» и был выпущен на свободу. Это нанесло сокрушительный удар по обновленческой церкви. Десятки и сотни священников, перешедших к обновленцам, приносили теперь покаяние Тихону. Ряды приверженцев «живой церкви» таяли на глазах[40]. Происходило это в т.ч. по причине хорошей агитации священниками тихоновского течения, ездившими по уездам с беседами, после которых верующие переходили от обновленцев снова в лоно «старой церкви»[41]. Однако при переходе в ряды тихоновской церкви на обновленцев накладывалось покаяние, сразу благословения на возвращение не давалось, их выдерживали, считая осквернёнными[42].

В Саратовском Поволжье в конце 1927 г. обновленчество стало окончательно терять свои позиции, несмотря на явную демонстрацию своей лояльности новой власти. Как отмечалось в отчете Саратовского губернского комитета ВКП(б) 1927 г., идеолог обновленчества А. Введенский восхвалял советскую власть, заявляя, что «сухи страницы Марксова „Капитала“, но от них веет ароматом божественной мудрости», а митрополит Антонин заявлял, что «величайшее преступление церкви состояло в том, что она не встретила Октябрьского переворота колокольным звоном»[43]. Однако обновленцам не удалось стать церковными реформаторами и повести за собой трудящиеся массы. Все больше верующих стали совсем отходить от обновленчества, в котором поначалу видели «живую струю воздуха», и переходить на сторону тихоновцев, тем самым создавая реальную угрозу для большевиков. По наблюдению местных партийных органов, тихоновцы были более идейно сплочены и перешли в наступление против обновленцев и «сектантства», число приверженцев Тихона росло, обновленцы же несли потери. Обновленческих церквей в Саратовской губернии на тот период было всего 25 (3 %). В Петровском уезде, например, на 1927 г. из 8 религиозных организаций было лишь 2 обновленческих. Тихоновцы были широко представлены в Балашовском, Петровском, Новоузенском и других уездах[44].

Между двумя религиозными течениями в православии в Саратовском Поволжье были крайне враждебные отношения. Так, например, все в том же Петровском уезде в январе 1927 г. обновленцами был созван съезд духовенства и мирян, на котором присутствовало 1 тыс. человек. На съезд для диспута были приглашены тихоновцы, которые на него не явились[45], тем самым продемонстрировав свое отношение к представителям враждебного течения.

В число тихоновцев входили сильные, зажиточные крестьяне, члены обновленческого движения состояли в основном из бедняков; именно кулаки на съезде в Петровском уезде собирались избить лидера обновленчества, заочно назвав его «советским прислужником – антихристом». А в с. Ново-Маткино Кузнецкого уезда тихоновцами был изгнан обновленец-церковнослужитель, разбиты стекла в храме и церковь была

[39] *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 67.
[40] Следственное дело патриарха Тихона. М., 2000. С. 857–859.
[41] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 750. Л. 20, 21 об.
[42] Там же.
[43] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 12.
[44] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 12 об.; Д. 750. Л. 20, 21.
[45] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 750. Л. 20, 21.

передана тихоновцам. Священнику-обновленцу пришлось отказаться от своей деятельности и заняться «возкой шпал»[46].

Несмотря на внешнюю лояльность власти к обновленчеству, условия тем и другим предоставлялись одинаковые: за невыполнение условий договора об использовании храмов с обновленцами расторгали договоры аренды. Такой подход вызывал тревогу у некоторых партийных функционеров. Так, например, на заседании коллегии агитационно-пропагандистского отдела Петровского укома ВКП(б) в апреле 1927 г. прозвучала такая мысль: подход с «одинаковой меркой» к тем и другим церковным коллективам приводит к тому, что обновленцы «хиреют», а тихоновщина «растет»[47].

Кроме тихоновцев и обновленцев, были еще отдельные священнослужители, которые себя причисляли к тихоновской церкви, но официально их приходы не были зарегистрированы. Регистрацию всех актов – вступление в брак, расторжение брака, рождение и смерть – такие священники осуществляли, не спрашивая благословения церкви, на «свой страх и риск»[48].

Уже отмечалось, что в Саратовском Поволжье по переписи 1926 г. проживало свыше 420 тыс. немцев, из них примерно 15 %, т.е. 63,1 тыс. чел., были католиками. Подавляющее большинство их проживало в Республике немцев Поволжья. Католицизм исповедовали также 2,1 тыс. поляков, проживавших в регионе. Таким образом, в Саратовском Поволжье к началу 1930-х годов насчитывалось 65,2 тыс. католиков[49]. Саратов являлся центром Тираспольской католической епархии, занимавшей огромную территорию, включавшую Поволжье, Кавказ, Украину и Бессарабию. Резиденцией являлся католический кафедральный собор Святого Клеменса, располагавшийся на бывшей Немецкой улице (ныне кинотеатр «Пионер» на проспекте им. Кирова).

Римско-католическая церковь в Саратовском Поволжье подошла к 1929 г. с большими экономическими потерями, убылью людских ресурсов среди священнослужителей и приверженцев религии. По данным на 1925–1926 гг., приведенным О.А. Лицен бергер, в Республике немцев Поволжья в 39 католических селах насчитывалось 30 священнослужителей, в 1921 г. – четыре священнослужителя расстреляно во время подавления крестьянских выступлений, в 1925 г. сослан один священнослужитель за контрреволюционную агитацию[50]. Агитация и пропаганда, в основном усилиями организаций Союза воинствующих безбожников, оказывали свое негативное действие на приверженцев католицизма. По мнению некоторых авторов, к концу 1920-х годов Римско-католическая церковь практически прекратила свое существование[51]. Однако информация, почерпнутая нами из источников по Саратовскому Поволжью, свидетельствует, что католические приходы, особенно в селах, продолжали свою активную жизнь, несмотря на тяжелое положение католической церкви в СССР в целом.

В сложном положении к концу 1920-х годов находились и протестантские деноминации в исследуемом регионе. Евангелическо-лютеранский приход Святой Марии в Саратове объединял 16,4 тыс. прихожан, что составляло 1,8 % от общего числа немцев-прихожан всех 194 протестантских общин в России; он входил в десятку самых многочисленных приходов. С октября 1917 г. до начала «крестового похода» против всех без исключения конфессий, который ознаменовало Постановление ВЦИК и СНК

[46] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 12 об.; Д. 750. Л. 20, 21.
[47] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 750. Л. 20.
[48] Там же. Л. 20, 21 об.
[49] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. М.: Изд. ЦСУ Союза СССР, 1928. С. 69–70.
[50] *Лицен бергер О.А.* Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2001. С. 249.
[51] См., например: *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 61.

РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»[52], Евангелическо-лютеранская церковь почувствовала на себе лишения, которые так или иначе коснулись всех конфессий на территории Саратовского Поволжья. Церковь была лишена экономической основы, имущества и банковских вложений, земель и церковных зданий. Она была лишена возможности заниматься любой благотворительной деятельностью. Все духовные учебные заведения вместе с движимым и недвижимым имуществом – зданиями и надворными постройками, земельными участками и всем прочим – были переданы в ведение Народного комиссариата[53]. Евангелическо-лютеранская церковь больше не занималась регистрацией актов гражданского состояния, религиозным обучением и воспитанием. Большевики считали, что такими действиями добьются полного прекращения деятельности церкви.

В сводке о количестве религиозных групп и обществ в АССР НП по состоянию на 1 августа 1928 г. нарком внутренних дел П.А. Финк[54] приводит данные, сведенные нами в таблицу 4.

Таблица 4. Религиозные группы и общества в АССР немцев Поволжья (1928 г.)[55]

Религиозные группы		Религиозные общества	
Евангелическо-лютеранские	111	Баптисты	9
Римско-католические	38	Лютеране	1
Православные	56	Адвентисты седьмого дня	2
Мусульманские	1	Меннониты	1
Старообрядческие	8		

Инструкцией, разработанной 8-м отделом Народного комиссариата юстиции РСФСР, от 24 августа 1918 г. «О порядке проведения в жизнь декрета „Об отделении церкви от государства и школы от церкви“», предписывалось: «Необходимое число местных жителей, получающих в пользование богослужебное имущество, определяется местным Советом рабочих и крестьянских депутатов, но не может быть менее 20 человек»[56].

На основании данных, приведенных П.А. Финком на 1928 г., можно подсчитать минимальное количество приверженцев Евангелическо-лютеранской (более 2,2 тыс. чел.) и Римско-католической (свыше 750 чел.) церквей, официально зарегистрированных в АССР НП. Эти данные явно противоречат приведенным выше сведениям.

Немреспублика в религиозном отношении фигурировала как «неблагонадежная» практически в каждом партийном и других отчетах[57]. В 1929 г. подотдел национальных меньшинств агитационно-пропагандистского отдела Нижневолжского крайкома ВКП(б) писал, что «национально-религиозная замкнутость немецкого населения способствует затушевыванию классового расслоения немецкой деревни со стороны кулачества и духовенства под флагом национального единства»[58]. Среди татар и немцев, по свидетельству подотдела, из-за «отсталости масс» коренятся религиозные устои[59]. Констатировалось, что в немецких селах в связи с обострением классовой борьбы усилилось религиозное движение, и оно продолжает расти. Подотдел национальных меньшинств в тезисах для доклада «О религиозном движении и задачах антирелигиозной пропаганды в немецком селе» сообщал, что в селах верхушки религиозных организаций в союзе с кулаком и другими антисоветскими элементами используют религиозные предрассудки немецкого крестьянства для противодействия мероприятиям советской власти и партии[60].

Далее в документе призывается во взаимодействии с профсоюзами, комсомольской организацией изучать все религии, агитировать против церкви и веры, объяснять, развенчивать классовую сущность религии и приспосабливать методы работы к «бытовым» и «религиозным особенностям деревни», а именно: «если среди лютеран можно проводить все виды антирелигиозной работы» (концерты, красные уголки, распространение антирелигиозной литературы, антирелигиозные пьесы, беседы, мероприятия в праздничные дни, чтобы отвлекать от праздников), то в католической деревне «надо начать с разоблачения реакционной роли католичества вообще, а церкви и ее представителей в данной деревне в частности»[61]. В отношении к сектам работу рекомендовалось начинать «с выявления материальной и экономической подоплек религиозности сектантских вождей»[62].

Таким образом, напрашивается вывод, что приведенные Финком цифры совершенно не отражают истинную религиозную картину Немреспублики, а воспроизводят лишь те данные, которых удалось добиться советской власти административным и законодательным нажимом на церковь и веру, в результате чего основная масса верующего населения не регистрировалась, предпочитая перейти на полулегальное положение.

В многоконфессиональном обществе Саратовского Поволжья на третьем месте по численности верующих находился ислам, уступая лишь православию и протестантизму (конкретно – лютеранству). По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории Саратовского Поволжья (Саратовская губерния, Республика немцев Поволжья, Пугачевский уезд Самарской губернии) насчитывалось примерно 120 тыс. мусульман[63].

На 1928 г. в Саратовском Поволжье мусульманское население проживало в сельской местности и на 90 % было занято сельским хозяйством. Центральным духовным управлением оно было разделено на четыре районных мухтасибата, руководителями которых являлись мухтасибы, выбираемые на съезде мулл и представителей верующих[64]. Татары компактно проживали в Базарно-Карабулакском, Дергачёвском, Ершовском, Петровском районах. Некоторые села в этих районах были чисто татарские. Достаточно много татар проживало в Саратове, Хвалынске[65]. Казахи проживали в восточных районах Саратовской губернии, башкиры – в Пугачевском уезде.

Отношения большевиков с мусульманами в период образования и становления Советского государства складывались более лояльно, чем с другими конфессиями.

[52] О религиозных объединениях: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1787 (дата обращения 7 сентября 2015 г.).

[53] *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М.: Готика, 1999. С. 77.

[54] Финк Петр Андреевич (1888–1937). Нарком внутренних дел, заместитель председателя Совнаркома АССР немцев Поволжья, член ЦИК АССР НП, представитель АССР немцев Поволжья при Президиуме ВЦИК в Москве.

[55] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1373. Л. 362.

[56] См. об этом: *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая церковь в России… С. 196; № 685. Постановление Народного Комиссариата Юстиции. О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция) [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://istmat.info/node/31038 (дата обращения 1 декабря 2016 г.).

[57] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 56. Л. 12; Д. 111. Л. 39, 43; Д. 119. Л. 24, 48, 94 об.; Д. 121. Л. 97 и др.

[58] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 121. Л. 93–96.

[59] Там же. Д. 119. Л. 48.

[60] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 121. Л. 97.

[61] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 121. Л. 99.

[62] Там же.

[63] Подсчет сделан автором на основе статистических данных. См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. IV… С. 67, 69; Список населенных пунктов Самарской губернии с алфавитным указателем. Составлен по материалам Самарского губстатотдела согласно последней переписи. Самара, 1928. С. 11, 164–186.

[64] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 13–13 об.

[65] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94.

20 ноября (3 декабря) 1917 г. председатель Совнаркома В.И. Ленин и нарком по делам национальностей И.В. Сталин подписали обращение Совнаркома Российской Советской Республики «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В обращении говорилось о свободе и неприкосновенности мусульманских национальных и культурных учреждений, о праве мусульман устраивать свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Отныне, говорилось в обращении, права мусульман, как и права всех народов России, защищают Советы, революция и ее органы. Главной идеей обращения, таким образом, было то, что Октябрьская революция принесет всем народам Востока освобождение[66].

Обращение открыто показывает, что большевики своими преференциями мусульманам пытались обеспечить их лояльность. Спустя два месяца Совнарком РСФСР 20 января (2 февраля) 1918 г. принял Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[67]. Естественно, что этот декрет мусульманским духовенством и простыми верующими был воспринят негативно, однако медленная и непоследовательная реализация декрета в годы Гражданской войны смягчила это недовольство.

В рамках общей политики, более мягкой к исламу, чем к православию, часто власть закрывала глаза на многие каноны и практики мусульман, даже противоречившие идеологическим принципам нового Советского государства. Мусульманские мужчины, будучи по природе полигамными, жили с 2–3 женами, естественно, состоя в официальном браке лишь с одной женщиной. Мусульманское духовенство (Мухтасиби) получило в феврале 1927 г. метрические книги и продолжало регистрировать акты гражданского состояния: рождение, смерть, бракосочетание[68].

В Саратовском Поволжье насчитывалось около 220 мечетей, которые обслуживали примерно 450 духовных лиц (по 1–2 муллы и азанчи на мечеть)[69]. Квалификация мусульманского духовенства понижалась в связи с отсутствием подготовки новых кадров, в ряде случаев роль духовенства приходилось выполнять более или менее грамотным религиозным крестьянам[70].

Мусульманское духовенство, являвшееся духовным ориентиром для населения, исповедовавшего ислам, пользовалось большим авторитетом и влиянием. Муллы агитировали за частную собственность и свободную торговлю, за открытие школ вероучения. Мусульманское духовенство требовало предоставления себе избирательных прав, административных должностей, выступало инициатором обучения детей в религиозных школах.

Перед выборами в местные органы государственной власти духовенство устраивало обеды, женские собрания; на них активно приглашались не лишенные избирательных прав дети и жены духовенства, которых затем продвигали на избираемые должности. В основном это было принято в отдаленных местностях, там, где не существовало комсомольских и партийных организаций; например, в Старо-Атлашинской волости в правлении кооперативного общества были один азанчи и один сын муллы, в Старо-Кулаткинской волости – три муллы[71].

[66] Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 57.

[67] Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода… С. 68.

[68] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 13 об.

[69] Подсчет сделан автором на основе архивных данных. См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 13 об.; Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94.

[70] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 13 об.

[71] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 13 об. Упоминаемые волости входили в состав Хвалынского уезда Саратовской губернии, который по декрету ВЦИК от 12 ноября 1923 г. был упразднен. Его территория вошла в состав Вольского (12 волостей) и Кузнецкого (8 волостей) уездов Саратовской губернии.

Изучение мусульманского вероучения проводилось на разрешенных государством основах, оно переживало наряду с запретами и периоды некоторого смягчения. Тем не менее по уездам Саратовского Поволжья до 1928 г. осуществлялся контроль за легальным и нелегальным религиозным обучением, все школы вероучения находились на счету и контролировались[72].

Например, в с. Бичеево Кузнецкого уезда была обнаружена одна нелегальная школа, где мулла Аникеев преподавал мусульманское вероучение детям в возрасте от 10 до 14 лет. Были предприняты соответствующие меры: «привлечение виновных к ответственности» и закрытие данной школы. Нелегальная школа была также обнаружена в с. Новая Елюзань того же уезда, материалы на виновных были переданы в народный суд[73]. Однако нелегальные школы продолжали существовать. В Саратовской губернии на конец 1928 г. их число доходило до 10. По ориентировочным данным, в них обучалось до 200 чел.[74]

Кроме того, существовало большое количество легальных религиозных школ для детей моложе 14 лет. Например, в Вольском уезде работали 24 религиозные школы и только 18 советских[75].

В ряде местностей работали школы по подготовке духовенства и религиозных учителей. Занятия в них проходили в две-три смены. Муллы за обучение в религиозных школах взимали плату от 1 до 3 руб. с учащегося, открывали школы только в том случае, если за учебу платили. Население к этим школам относилось покровительственно и благосклонно, сельсоветы в тех местностях, где не было партийных и комсомольских организаций, сами способствовали открытию таких религиозных платных учебных заведений: ездили за разрешением в город в соответствующие органы, собирали средства, снабжали школы топливом.

Благодаря агитации мусульманского духовенства население негативно относилось к советским школам. Советские школы плохо отапливались, размещались в скверных помещениях, в них не хватало учебников, а учителя были просто малограмотными. Муллы же, напротив, отличались высоким уровнем образования и многолетним опытом, мечети были просторными, вовремя отапливались, при них и существовали религиозные школы.

На 220 мечетей приходилось 30–40 изб-читален с безграмотными избачами. Газет на татарском языке также не хватало. При советских школах избы-читальни работали хорошо; в селах, где не было школ, соответственно, избы читальни тоже не функционировали. Отсутствовали и школы повышенного типа, где бы могли обучаться дети, окончившие школу первой ступени. Между тем муллы и азанчи были не против обучения своих детей в советских школах и высших учебных заведениях. В религиозных школах не так часто встречались дети духовенства. Оно старалось обучать своих детей в техникумах, на рабфаках, в вузах в г. Казани, Уфе, Оренбурге, в Средней Азии, пользуясь стипендией от государства[76].

Сотни детей мулл из Саратовской губернии, не попавших в советские школы, обучались в вышеперечисленных городах. В Ташкенте одним из интернатов руководила жена муллы из Старо-Атлашинской волости Саратовской губернии. Она взяла под свое крыло десятки детей мулл Саратовской губернии, обеспечив их государственной стипендией. Сельские советы поддерживали духовенство, выдавая фиктивные удостоверения о со-

[72] ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 176. Л. 3.

[73] ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 176. Л. 3.

[74] *Гусева Ю.Н., Рябов В.В.* Особенности духовной жизни мусульманских приходов Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. М., 2012. № 2 (10). С. 71.

[75] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94.

[76] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 14.

циальном положении, писали ходатайства о выдаче этим учащимся стипендии как детям бедняков (так было, например, в Кирюшине Старо-Атлашинской волости)[77].

Однако Постановлением Президиума ЦИК СССР от 30 мая 1928 г. все ранее разрешенные смягчения в области религиозного образования были аннулированы. Закрываются мусульманские религиозные школы, запрещаются любые формы религиозного образования[78].

В целом же борьба с исламом в 1920-е годы была малоэффективной, а методы достаточно универсальны: организация революционных праздников в канун религиозных, усиление политпросветработы, расширение сети советских школ, открытие изб-читален, пунктов ликвидации неграмотности, выпуск новых учебников и научно-популярной антирелигиозной литературы и др.

Самой малочисленной из основных конфессий в Саратовском Поволжье были иудеи. Уже отмечалось, что, по данным переписи 1926 г., число евреев в регионе составляло 7875 чел. Тем не менее иудаизм также ощущал на себе давление власти. В Саратове существовало две еврейские синагоги[79].

Как видно из вышеизложенного, противостояние советской власти основным конфессиям (православию, лютеранству, католицизму, исламу, иудаизму) продолжалось. Ответной реакцией на антирелигиозный нажим был уход церквей в подполье.

После революции, начав борьбу с основными религиозными конфессиями, большевики были нацелены на временное сотрудничество с сектантскими общинами. Израильский советолог М. Агурский утверждает, что «религиозный нигилизм и большевизм быстро обнаружили общность интересов, несмотря на кажущуюся противоположность». Эта общность, по словам историка, проявлялась в стремлении к «полному разрушению старого мира», причем «нельзя обойти молчанием и их (большевиков) поддержку <…> баптистами, евангелистами, адвентистами седьмого дня». Последние, к примеру, даже утверждали, что на Ленине «почиет благодать Божия»[80].

Тот факт, что в течение 1920-х годов в Саратовском Поволжье количество деноминаций и сект, а также их численность заметно выросли, они имели возможность действовать полулегально, а иногда и почти свободно, позволяет утверждать, что отношение государства к этим деноминациям и сектам первоначально было достаточно лояльным. Об этом говорят многочисленные архивные свидетельства[81].

В то же время отмеченная тенденция была еще и следствием развертывания гонений на основные конфессии. В этом плане необходимо отметить прежде всего некоторые экзотические секты, появившиеся в Саратовском Поволжье в 1920-х годах. Так, в г. Саратове были скопцы, на территории бывшей Саратовской губернии обитали маленькие группы чуриковцев (последователи Чурикова из Ленинградской обл.), гермогеновцы (последователи Гермогена); также «в одном из мест» – религиозная группа «За веру и царя», на Увеке в пригороде Саратова – секта «Свободная любовь», которая, по мнению автора отчета, напоминала танцующих братьев и хлыстов[82].

В первой половине 1920-х годов нередки были случаи постройки новых молельных домов для различных сект, передачи им зданий под молельные дома. Например, такие случаи имели место в пос. Ртищево, в с. Софьино Аркадакской волости[83].

[77] Там же.

[78] *Гусева Ю.Н., Рябов В.В.* Указ. соч. С. 70.

[79] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. IV… С. 69; ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11 379. Л. 15, 22.

[80] *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 26.

[81] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94 об.; Д. 79. Л. 48 и др.

[82] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.

[83] ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 48–49.

Возможно, в сектантских религиозных организациях большевики видели своих бывших союзников по противостоянию царской власти. В качестве доказательства приведем цитату из отчета Саратовского губкома ВКП(б) «Состояние религиозного движения» за 1927 г.: «…сектантство в условиях царизма и буржуазной диктатуры <…> играло объективно-революционную роль <…> в условиях пролетарской диктатуры оно превратилось в полную противоположность»[84]. В отчете краевого совета Союза воинствующих безбожников за 1928 – начало 1929 г. говорится о том, что необходимо «развенчивать мифы» о революционных заслугах сектантов в борьбе с самодержавием, а также «лицемерное заявление» о поддержке сектантами советской власти[85].

Ближе к концу 1920-х годов, по мере нарастания решимости власти осуществить социалистический переворот в деревне и начать форсированную модернизацию страны, отношение к деноминациям и сектам стало меняться. Все больше стала утверждаться идея о том, что любая сектантская община управляется кулаками или контрреволюционными элементами на службе Запада – классовым врагом; другими словами, у большевиков начал преобладать классовый принцип отношения к таким религиозным организациям. Курс партии на ограничение «кулацких элементов», а затем переход к социалистической реконструкции деревни и на ее основе к «ликвидации кулачества как класса» создавал новую обстановку, что отражалось на взаимоотношениях с сектантами. Они стали обостряться.

Различного рода деноминации и секты существовали практически во всех районах Саратовского Поволжья. Однако центром сектантского движения саратовские руководители считали Балашовский район. Здесь были баптисты, евангельские христиане, молокане, субботники, адвентисты, сионисты, хлысты, толстовцы и др. Одних только учтенных сектантов было свыше 3 тыс. человек. Как отмечали представители местной власти, «это видимо только активисты, всю массу учесть не поддается возможным»[86]. В Балашовском районе было 13 населенных пунктов, где действовали религиозные молодежные организации, еще в 14 велась работа по их созданию[87].

Наиболее активно из неосновных конфессий в Саратовском Поволжье проявляли себя баптисты – представители одной из ветвей протестантизма. Как уже отмечалось, их численность за 1920-е годы заметно выросла. Причем подавляющая часть баптистов были русскими. Они в основной своей массе проживали в Саратовском, Новоузенском, Вольском, Екатерининском, Балашовском районах[88]. Местные религиозные общины получали выходивший централизованно в СССР журнал «Баптист»[89], другую литературу духовного содержания, значительная часть которой поступала из-за рубежа.

В баптистской общине г. Саратова, насчитывавшей до 180 чел., примерно 20 % составляли рабочие и столько же – служащие. Общину возглавлял некий Мароков – «хитрый и пронырливый», как говорится в отчете Саратовского губкома[90]. Вероятно, что не только внешние факторы в лице большевиков, но и внутренние противоречия и разногласия в религиозных группах вызывали их дробление. Так, например, в 1925 г. от баптистской общины в г. Саратове отделилась группа «прохановцев», и возглавил ее Поляков[91]. Разно-

[84] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 12–12 об.

[85] ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 3. Д. 147. Л. 69.

[86] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 79. Л. 48.

[87] Там же.

[88] Там же.

[89] «Баптист» – «духовно-назидательный» журнал, печатный орган российских баптистов. Издавался в 1907–1912, 1914, 1917, 1925–1929 гг. в разных городах. В 1926 г. он вышел в Москве тиражом 10 тыс. экз. См.: *Сперанская Е.С., Леоненкова И.Р.* Баптизм // Православная энциклопедия. Т. IV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002.

[90] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 13.

[91] Там же.

гласия часто возникали в сектантских общинах, в силу чего они делились на левое и правое крыло (кулаки и беднота)[92].

В сельской местности баптистские общины более чем наполовину состояли из середняков и бедняков. Зажиточных крестьян в общинах насчитывалось примерно от 20 до 40 %. Значительная часть баптистских общин существовала в форме артелей, производя продовольственные и промышленные товары. Так, например, баптистские кооперативы в Летяжевке и Малиновке Балашовского уезда изготавливали сыр, а также баптистские артели занимались ткацким производством[93].

Баптисты, как и некоторые другие деноминации (например, молокане), копировали все основные формы большевистской работы и противопоставляли революционным праздникам новые религиозные торжества. Празднику 1 Мая противопоставлялось торжество «Братской внеклассовой солидарности всех верующих во Иисуса Христа», Международному дню солидарности трудящихся женщин 8 Марта – «Международный день женщин-христианок», Дню урожая – «Жатва Евангелия» и др. В противовес большевистскому «культпоходу» в деревню евангелисты устраивали «ликвидацию библейской неграмотности», а также ездили по районам и показывали религиозные представления. Школам-передвижкам противопоставлялись библейские школы-передвижки, которые разъезжали в сопровождении хоровых и музыкальных кружков. Такие школы побывали в Ртищеве, в с. Нарышкино, Макарово, Львовка, Большая Грязнуха и др.[94]

Баптисты и молокане создавали молодежные и детские религиозные организации: вместо комсомола – «Христомол», вместо пионерской организации – объединения «христианские зернышки» или «белые пионеры». Сектанты активно пропагандировали свои вероучения в школах, техникумах и вузах.

Для молодежи проводили религиозные литературные и музыкальные вечера, оказывали материальную помощь нуждающимся юношам и девушкам, содействовали в поиске работы и бесплатного жилья. Для девушек организовывались бесплатные курсы кройки и шитья, «изящных рукоделий». С молодежью проводили индивидуальные беседы на квартирах, заинтересовывали их религиозными постановками, библейскими вечерами[95].

В «Христомоле» существовали особые правила поведения, своеобразный устав: членам этой религиозной молодежной организации запрещалось посещать советские театры, кино, концерты, лекции, дабы они не действовали разлагающе на юные умы. Члены «Христомола» давали при вступлении в эту организацию торжественное обещание не пить, не курить, не сквернословить, строго соблюдать правила гигиены: тщательно мыть руки и лицо, чистить зубы, не менее раза в неделю ходить в баню, тщательно следить за чистотой и санитарным состоянием своего жилища. «В квартирах членов „Христомола“ совершенно не должно быть тараканов, клопов и прочей нечистоты», – отмечалось в уставном документе[96]. Членам «Христомола» вменялась в обязанность забота об улучшении своего хозяйства, земледелия и скотоводства. Использовать они обязаны были новейшие технологии; куры, овцы, свиньи должны были быть только лучшими и породистыми. Одним словом, их хозяйства должны были быть образцово-показательными для окружающего населения[97]. Тех, кто посещал светские мероприятия – театр, кино, – обращался в советский суд, баптисты исключали из своей общины[98].

Большевики, делая акцент на классовой сущности религии, в своих документах полагали, что руководили религиозными организациями, в т.ч. и «Христомолом», о котором написано выше, «нэпмановские элементы», т.е. зажиточные крестьяне, предприниматели (бывшие купцы, торговцы), а также бывшие жандармы, эсеры, одним словом – недруги советской власти[99].

[92] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 12.
[93] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94.
[94] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 79. Л. 48.
[95] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 79. Л. 48 об.
[96] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111. Л. 38.
[97] Там же.
[98] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 79. Л. 48.

В 1928 г., когда власть активизировала борьбу с баптистами и другими религиозными деноминациями и сектами на территории СССР, среди баптистских общин распространялось письмо, в котором содержались такие строки: «Мы, проповедники Евангелия в СССР, находимся в огненном кольце антихристова окружения <…> для того, чтобы побеждать врага нам нужно овладеть его оружием, изучить его приемы, тактику, методологию. Мы, проповедники Евангелия, в условиях переживаемого момента должны заняться серьезным и основательным изучением безбожной печати и литературы»[100].

Деятельность баптистов не встречала сопротивления среди населения, а нередко, наоборот, поощрялась и приветствовалась. Например, в с. Качеевка Екатерининского района в 1928 г. состоялся съезд баптистов Поволжья, на котором звучали песни баптистов, как отмечалось в донесении местных «безбожников», – «боевые, зовущие, явно контрреволюционного характера»[101].

Влияние баптистов на население в местах их проживания было очень велико. Советские же детские массовые организации часто не приживались среди населения. Как отмечается в одном из документов региональной организации Союза воинствующих безбожников, баптисты «недавно развалили пионерский отряд путем разных угроз, уговоров»[102].

В местах проживания баптистов дети не пели советские песни – «отец не велит». В дни религиозных праздников дети не ходили в школу. Отмечается такой факт: когда баптисты вечерами молились в здании школы, «завшколой им не мешала», даже, наоборот, перешла в другое помещение. Т.е. здание советской школы было предоставлено верующим под религиозные мероприятия[103].

Многие учителя занимались антирелигиозной агитацией и пропагандой с учениками, при этом оставаясь верующими. Учителя посещали церковь, причащались, исповедовались, соблюдали религиозные посты, за что подвергались увольнению. Но, несмотря на это, учителя, тщательно пряча свою религиозность, «проводили политику евангелия» среди учеников. Не менее половины учеников саратовских школ заявляли о себе как о верующих либо колеблющихся[104].

Наиболее опасными для себя власти считали духовных христиан (молокан), проживавших в Балашовском, Аткарском, Екатерининском районах. Молокане имели молочные хозяйства, объединялись в кооперативы. Руководили молоканами балашовские купцы: Елистратов, Осипов, Молоканов. Активных молокан – тех, кто негативно относился к советской власти, – насчитывалось 446 чел. Среди молокан были и люди, положительно воспринимавшие советскую действительность[105].

25 ноября 1928 г. в с. Упоровка молокане устроили «вечер любви». Рассказывали об истории их преследования. «Мы были „упоротыми“, от этого пошло название села – Упоровка», – говорили организаторы мероприятия. Рассказывали интересно, и их слушали «с вниманием и трепетом». Они говорили о том, как при царской власти молокане подвергались репрессиям: ссылкам и истязаниям – из их спин вырезали ремни.

Село было поделено молоканами на пять участков, к каждому из них прикреплен проповедник. Объединение детей Упоровки под названием «Отряд белых пионеров»

[99] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111. Л. 38.
[100] Там же.
[101] ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 3. Д 73. Л. 34.
[102] Там же.
[103] ГАСО Ф. Р-522. Оп. 3. Д 73. Л. 34.
[104] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111. Л. 40 об.
[105] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 13.

состояло из 270 чел. Молокане собирались в избах, пели псалмы, угощались кренделями, конфетами, вели беседы с родителями детей. Говорили о всемогуществе Бога и о последствии безбожия, что естественно воспринималось большевиками как контрреволюционная деятельность[106].

На детей мероприятия оказывали неизгладимое впечатление, и с большим трудом местные ячейки ВКП(б) и ВЛКСМ «путем уже угроз разогнали эту организацию». Руководители религиозной организации, боясь ареста, временно перестали работать. В то же время, как отмечали местные «безбожники», взамен мероприятий молокан «ни ячейка, ни школа ничего не дала» детям. Наоборот, по мнению «безбожников», школа внушала детям, чтобы они слушались старших, отцов и матерей, и тем самым способствовала распространению сектантства[107].

Сохранились свидетельства о деятельности хлыстов. В частности, в Саратове хлыстовская община «постников» насчитывала 100 чел. Один из членов общины в Саратове даже занимал «руководящий пост» в системе советских органов власти[108].

Значительной протестантской деноминацией в Саратовском Поволжье являлись меннониты, переселившиеся в регион из Пруссии в середине XIX в. Меннониты были крупными производителями сельскохозяйственной продукции, применяли передовые методы и технологии выращивания зерна. Большинство их являлись зажиточными крестьянами. И если в разгар нэпа власть изучала производственный опыт меннонитов как представителей «культурных хозяйств» для его распространения[109], то в конце 1920-х годов на меннонитов начались гонения как на кулаков.

Активными в Саратовском Поволжье были и адвентисты, которые также издавали и распространяли свою литературу. В немецких поселениях большую активность проявляли штундисты, бетбрудеры (молящиеся братья) и танцбрудеры (танцующие братья). Эти западнохристианские секты также были не особенно терпимы к советской власти.

Проявляли активность и штундисты. В 1926 г. в немецком с. Побочное Ягоднополянской волости состоялся неразрешенный съезд штундистов, на котором присутствовали 502 чел. На съезде штундисты обсуждали приближающийся конец света и приводили доказательства в пользу этого. В самом же с. Побочное 95 % семей, весь сельский совет состояли из членов этой религиозной организации[110].

Бетбрудеры сильно активизировались в Палласовке, Марксштадте, Каменке, Зельмане; они проводили собрания и конференции[111]. В отчете о прошедших в 1927 г. в АССР немцев Поволжья выборах в Советы говорится, что открытой работы духовенства, как это было в 1926 г., не происходило, однако в г. Покровске, Фёдоровке, ст. Полтавка в день перевыборов в Советы праздновались свадьбы, а в Марксштадтском и Зельманском кантонах проводились конференции бетбрудеров «с целью отвлечь трудящихся от перевыборов»[112].

В партийных отчетах секты бетбрудеров и танцбрудеров фигурируют постоянно. Так, на заседании бюро обкома ВКП(б) Республики немцев Поволжья от 19 сентября 1928 г. обсуждался вопрос о запрещении бетбрудерам устраивать свои конференции чаще одного раза в три года[113]. Конференции являлись важной частью механизма функционирования бетбрудерских организаций, координировали их религиозную политику и жизнь. Кроме того, партийной фракции ЦИКа поручалось разработать особое постановление о том, чтобы заявления на разрешение созыва бетбрудерских конференций подавались не позднее чем за два месяца до их проведения. Это требовалось, чтобы иметь возможность своевременно ставить в известность соответствующие кантональные комитеты ВКП(б), агитационно-пропагандистский отдел обкома и республиканскую организацию Союза воинствующих безбожников для принятия мер антирелигиозной пропаганды накануне и во время этих конференций в местах, где намечалось их проведение[114].

[106] ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 3. Д 73. Л. 34.
[107] ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 3. Д 73. Л. 34 об.
[108] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94 об.
[109] См., например: *Зюрюкин В.Е.* Меннониты Кеппентальского района Области Немцев Поволжья в бытовом и хозяйственном отношении: исследования и материалы. Покровск: Изд. журнала «Унзере Виртшафт», 1923.
[110] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 13.
[111] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1545. Л. 97–97 об.
[112] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1314. Л. 7.
[113] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1545. Л. 72.

В Саратовском Поволжье имелась и секта иудаистского происхождения – религиозные сионисты, которые признавали советскую власть, но воспринимали ее как неизбежное зло и ожидали ее падения. Также они призывали бороться с сектантством и церковью, и после падения советской власти сионисты должны были организовать «новое царство»[115].

Большинство рассмотренных выше религиозных организаций исповедовали непротивление злу насилием, пацифизм, в основном не оказывали прямого сопротивления советской власти и тем не менее занимались распространением своего религиозного мировоззрения. Их вера запрещала им держать оружие в руках, и этот фактор был раздражающим для власти.

На основании циркулярного распоряжения ОГПУ № 66 551 от 18 мая 1926 г. в Саратовском Поволжье развернулась борьба с антимилитаристскими религиозными организациями, члены которых в соответствии со своими убеждениями не хотели служить в армии. Новая инициатива властей пока не касалась меннонитов и духоборов, к которым в этом вопросе относились более лояльно. В Саратовской губернии и АССР немцев Поволжья были изданы соответствующие распоряжения губернских и республиканских органов НКВД[116].

«Если большинство общины не признает безоговорочно военной службы и меньшинство на этой почве отколется, – говорилось в двух однотипных документах, – объявить перерегистрацию всей общины и требовать признания, как от большинства, так и от меньшинства»[117]. В противном случае руководство религиозной организации должно было привлекаться к ответственности. Это был прямой путь к расколу религиозных общин, ослаблению наиболее непримиримых по отношению к советской власти сил.

В целом к концу 1920-х годов местная власть с беспокойством отмечала «огромные» размеры средств, затрачивавшихся населением на поддержку церкви, наличие у православных, католиков и лютеран «сотен платных работников»; указывалось, что каждая из перечисленных конфессий имеет за счет населения финансовые средства, которые «значительно превышают объединенные бюджеты партии и профсоюзов»[118].

Власть видела не только рост числа и численности сект, но и тот факт, что внутри сект находились люди с различным уровнем благосостояния: бедняки, середняки, кулаки. Возникала «религиозная солидарность» всего населения, вызывавшая сильнейшую тревогу партийного руководства: «На 11-м году советской власти массовое распространение всяких сект и религиозных учений – это совсем не то явление, которое мы ожидали»[119]. К концу 1920-х годов в Саратовском Поволжье, особенно после создания Нижневолжского края, в кругах региональных партийных функционеров сложилось и укрепилось мнение, что без широкого «фронтального» наступления на церковь невозможно будет приступить к «развёрнутому наступлению социализма».

[114] ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1545. Л. 72.
[115] ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94 об.
[116] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1152. Л. 60.
[117] Там же.
[118] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 156.
[119] Там же.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. – Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. – М.: Изд. ЦСУ Союза СССР, 1928.
2. Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). – М.: Изд-во МГУ, 1966.
3. Информация Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://srtv.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/srtv/ru/statistics/population/9a9093004361f9a59b51db74665da2b8 (дата обращения 16 января 2017 г.).
4. Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). – М.: Изд-во МГУ, 1966.
5. О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция): Постановление Народного Комиссариата Юстиции. № 685. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://istmat.info/node/31038 (дата обращения 1 декабря 2016 г.).
6. О религиозных объединениях: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.base.consultant.ru / cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1787 (дата обращения 7 сентября 2015 г.).
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. – СПб., 1904. С. 76–77; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVI. Самарская губерния. – СПб., 1904.
8. Следственное дело патриарха Тихона. – М., 2000.
9. Список населенных пунктов Самарской губернии с алфавитным указателем. Составлен по материалам Самарского губстатотдела согласно последней переписи. – Самара, 1928.
10. Школа должна быть проводником антирелигиозного воспитания // Поволжская правда. – 1929. – 24 мая. – № 114.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 113. Д. 871.
12. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 11 379; Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а; Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 176; Ф. Р-522. Оп. 3. Д. 73, 147.
13. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 179, 1152, 1314, 1373, 1545; Ф. 27. Оп. 4. Д. 729, 750, 1545; Ф. 55. Оп. 1. Д. 56, 79, 111, 113, 119, 121.
14. Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (ГИАНП). Ф. 1188. Оп. 1. Д. 150.
15. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. – Париж, 1980.
16. *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. – М.: МСНК-пресс, 2007.
17. *Герман А.А., Плеве И.Р.* Немцы Поволжья. – Саратов, 2002.
18. *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России. – М., 2005.
19. *Гусева Ю.Н., Рябов В.В.* Особенности духовной жизни мусульманских приходов Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. – М., 2012. – № 2 (10).
20. *Зюрюкин В.Е.* Меннониты Кеппентальского района Области Немцев Поволжья в бытовом и хозяйственном отношении: исследования и материалы. – Покровск: Изд. журнала «Унзере Виртшафт», 1923.
21. *Крапивин М.Ю.* Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). – Волгоград, 1997.
22. *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). – М.: Готика, 1999.

23. *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. – Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2001.
24. *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. – М., 2008.
25. *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995.
26. *Сперанская Е.С., Леоненкова И.Р.* Баптизм // Православная энциклопедия. – Т. IV. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002.

Ethnic-Confessional Situation and Religious Life in Saratov Volga Region by the End of the 1920s

Zh.V. Yakovleva

The article presents a research into an ethnic-confessional structure, religious situation and life of Saratov Volga Region population before the beginning of an aggressive antireligious campaign of the Soviet State (1929). By the Saratov Volga Region we understand approximately the same territory where the present Saratov Region is situated. The Saratov Province, the Republic of the Volga Germans and the Pugachev Uezd of the Samara Province were located on that territory at that time. The author characterizes the main ethnos that lived on this territory, defines the confessional structure of the population, number, and influence of each confession in the region.

Uniqueness of the region which has practically all confessions, denominations, and Christian sects (including its Western varieties), as well as Islam and Judaism, is highlighted in the article. The fact, that people of different nationalities and denominations lived so long together, formed high interethnic and interconfessional tolerance. The author describes hostile antireligious policy of the Soviet State which made representatives of all denominations adjust to new conditions of life.

Keywords: ethnic structure of the population, confessional structure, Russian Orthodox Church, the Tikhonovs, renovationists, Old Believers, Catholic Church, the Catholics, Protestantism, Lutheran Church, the Lutherans, the Baptists, “dancebruders”,“betbruders”, Islam, the Muslims, Judaism.

Die ethnokonfessionelle Situation und das religiöse Leben im Wolgagebiet bei Saratov Ende der 1920er Jahre

Ž.V. Jakovleva

In dem Beitrag werden die ethnokonfessionelle Struktur, die religiöse Situation und das Leben der Bevölkerung im Wolgagebiet bei Saratov am Vorabend des Ausbruchs der aggressiven kirchenfeindlichen Kampagne des Sowjetstaates im Jahre 1929 untersucht. Das Wolgagebiet bei Saratov entspricht in etwa der Fläche des heutigen Verwaltungsgebiets Saratov. In dem genannten Zeitraum befanden sich auf diesem Gebiet das Gouvernement Saratov, die Republik der Wolgadeutschen und der Landkreis Pugačevskij des Gouvernements Samara. Die Autorin beschreibt die wichtigsten Volksgruppen, die im Wolgagebiet bei Saratov lebten, ermittelt die konfessionelle Zusammensetzung der Bevölkerung sowie die zahlenmäßige Größe und den Einfluss der einzelnen Konfessionen in der Region.

Hervorgehoben wird die Einzigartigkeit der Region, die darin bestand, das praktisch alle christlichen Konfessionen, Religionsgemeinschaften und Sekten (einschließlich deren westliche Ableger), ebenso wie Islam und Judentum hier vertreten waren. Das lange, gemeinsame Zusammenleben von Bürgern unterschiedlicher Nationalitäten und Glaubensbekenntnisse hat zu einem hohen Grad an interkultureller und interkonfessioneller Toleranz geführt. Die Autorin beschreibt die hasserfüllte kirchenfeindliche Politik des Sowjetstaates, die die Vertreter aller Glaubensrichtungen zwang, sich an neue Lebensbedingungen anpassen zu müssen.

Schlüsselwörter: ethnische Zusammensetzung der Bevölkerung, konfessionelle Struktur, die russisch-orthodoxe Kirche, Tichonov-Anhänger, Erneuerungskirchler, Altgläubige, katholische Kirche, Katholiken, Protestantismus, lutherische Kirche, Lutheraner, Baptisten, Tanzbrüder, Betbrüder, Islam, Muslime, Judentum.